

УДК 821.112.2-1
doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108

К МОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭТИКЕ И ПОЭТОЛОГИИ ПРОГУЛКИ: Р. М. РИЛЬКЕ, Р. ВАЛЬЗЕР, Т. БЕРНХАРД, П. ХАНДКЕ

Вера Владимировна Котелевская

к. филол. н., доцент кафедры теории и истории мировой литературы
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. vvkotelevskaya@sfedu.ru

SPIN-код: 4877-5532

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

ResearcherID: C-8059-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Котелевская В. В. К модернистской поэтике и поэтологии прогулки: Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 3. С. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108

Please cite this article in English as:

Kotelevskaya V. V. K modernistskoy poetike i poetologii progulki: R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke [On Modernist Poetics and Poetology of Walking: R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 3, pp. 96–108. doi 10.17072/2037-6681-2017-3-96-108 (In Russ.)

В статье исследуется прогулка как предмет изображения и рефлексии в немецкоязычном литературном модернизме – анализируется художественная проза швейцарских и австрийских писателей (Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке). Данная культурная практика рассматривается в нескольких аспектах: как форма праздности субъекта модерна, литературная топика, повествовательная модель, форма модернистской поэтологии. Выбор материала связан с культурными, историко-литературными и стилевыми факторами. Прогулка и странствие в литературе альпийского региона имеют давнюю традицию (Alpen-Literatur), но в XX в. модернисты эту традицию пересматривают, сохраняя и деконструируя ключевые топосы. Для поэтики выбранных писателей характерно несколько общих черт: сосредоточенность на поисках самости, подчинение композиции внутренней логике повествующего «я», саботаж фабулы, редукция предметного мира, тяготение к языку абстрактного, «беспредметного» искусства (авангардная живопись и графика, атональная музыка). Цель исследования состоит в выявлении генетических, типологических и уникальных (национальных, авторских) особенностей модернистской поэтики и поэтологии прогулки. В результате установлены такие особенности модернистской поэтики прогулки, как доминирование эстетической цели над прагматическими целями перемещения в пространстве, преобладание воображаемого ландшафта над реальным, вытеснение топографии, тесная связь прогулки и письма. В модернистской прозе, таким образом, прогуливающимся оказывается писатель, а само движение в пространстве подчиняется целям сочинения текста о прогулке.

Ключевые слова: модернизм; австрийская литература; швейцарская литература; поэтика прогулки; Райнер Мария Рильке; Роберт Вальзер; Томас Бернхард; Петер Хандке.

В статье исследуется прогулка как предмет изображения и рефлексии в немецкоязычном литературном модернизме на материале художественной и дневниковой прозы избранных для изучения авторов (Р. М. Рильке, Р. Вальзер, Т. Бернхард, П. Хандке). Данная культурная практика рассматривается в нескольких аспектах: как форма праздности субъекта модерна,

литературная топика, «повествовательная модель» [Albes 1999], форма модернистской поэтологии. Цель исследования состоит в выявлении генетических, типологических и уникальных (национальных, авторских) особенностей модернистской поэтики и поэтологии прогулки. Комплексный анализ поэтики прогулки на данном материале не предпринимался в отечественной литературоведческой германистике.

Прогулка как буржуазная культурная практика формируется в XVIII в., а в следующем столетии – благодаря литературе, сентиментальной и романтической философии, массмедиа и нарождающейся туристической индустрии – уже обретает собственную «идеологию» («ideology of walking» [Wallace 1993]). Культурные смыслы прогулки структурируются, как показывают исследования [Wallace 1993; Albes 1999; Neumeier 1999; Gellhaus, Moser, Schneider 2007; Fuest 2008; Coverley 2012; Broder 2016: 1–70], исходя из ряда значимых бинарных оппозиций: труд – праздность, феодальная привязанность к месту – свобода перемещений, герметичность индивида – открытость опыту, статика – движение, замкнутое – открытое пространство, ближнее – дальнее, известное – неизвестное, целеполагание – бесцельность, цивилизация – природа, город – деревня. «Трудящийся господин» [Моретти 2014: 42], избавленный, по выражению героя Д.Дефо, как «от труда и страданий механической части человечества», так и от «гордыни, роскоши, амбиций и зависти высшей его части» (цит. по: [там же]), честно заслужил свой досуг, достигнув, в противоположность крестьянину и аристократу, здорового равновесия между *otium* и *negotium*.

Однако указанные выше оппозиции не отграничены друг от друга окончательно, но, скорее, амбивалентно сосуществуют в смысловом горизонте прогуливающегося, еще частично сохраняющего в своем образе рудименты *странника*, *пилигрима*, *бродяги* и, тем не менее, все более обретающего черты цивилизованного *путешественника* или городского *фланера* (см. типологию путешествующих [Coverley 2012; Broder 2016]). Так, горожанин XVIII столетия отправляется на природу, за город, но никогда не теряет из виду защищающий его город, виднеющиеся вдали крепостные стены. К. Г. Шелле, автор руководства по прогулке («Die Spatziergänge oder die Kunst spatzieren zu gehen», 1802), советует в качестве идеального места стены городской крепости, которые кольцеобразно замыкают пространство города. Этот светский ритуал неоднократно находил отображение в литературе. (Так, именно полуразрушенные крепостные стены служат местом загородных тайных встреч в романе Т. Гарди «Мэр Кестербриджа: История че-

ловека с характером»); вдоль старинной крепостной стены кружит в своих перипатетических экскурсиях-беседах герой романа Т. Бернхарда «Помешательство» князь Заурау.) Как отмечают Л. Мозер и Х. Шнайдер, авторы вступительной статьи к коллективной монографии «Воображаемые ландшафты – Ландшафтные прогулки: Культурная история и поэтика прогулки», «прогулка по городской стене маркирует маленький побег, но не окончательное бегство из тесного жизненного мир(к)а города» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 10]. И в этом принципиальное отличие «прогулки» (англ. walking; фр. flân, promenade; нем. Spaziergang, Gehen) от «странствия» (англ. Wandering; фр. pèlerinage, voyage; нем. Wanderung) как, соответственно, движения в ограниченном или открытом пространстве. Первый тип пространства воплощен, как правило, в парке, саде, бульваре, аллее, луге, второй – в дикой природе лесов и гор, позволяющей страннику реализовать свою «тоску по неизведанному, по дали» – «Fernsehnsucht» [Neumeier 1999: 9]. Симптоматичен опыт Ж.-Ж. Руссо, одного из законодателей сентиментальных прогулок: в «Исповеди» он рассказывает, как, увлекшись блужданием за городом, вынужден был ночевать под открытым небом, опоздав к закрытию городских ворот.

Одинокая загородная прогулка, нередко перерастающая в пешее странствие из города в город, из города в деревню, с равнины в горы и т. д. (ср.: «Антон Райзер» К. Ф. Морица; «Исповедь» и «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.-Ж. Руссо; прогулки художников, описанные Р. М. Рильке в дневнике и очерке «Ворпсведе»; бесчисленные пешие прогулки героев Р. Вальзера и его собственные блуждания между деревнями, городами и предместьями), амбивалентно соотносится и с техническим прогрессом. В эпоху развития почтовых станций, а впоследствии железных дорог и т. д., добровольное передвижение литературных героев пешком маркируется не столько как социальный низ, сколько как ностальгическая оглядка назад, подлинно романтический пассивизм, как противостояние *медленной* экзистенции *быстрой*. Именно такой «программе» следуют герои Р. Вальзера: «Таким образом, он двигался довольно медленно [hübsch langsam] вперед, он не был поклонником чрезмерной скорости [übergroßer Schnelligkeit]. Спешку [die Hast] он презирал; бурной поспешностью [mit dem stürmischen Eilen] только вгоняешь себя в пот. К чему это, думал он, и шагал размеренно, со всем тщанием, старательно и сдержанно. Шаги, которые он отмерял, были исполнены достоинства и взвешены, а темп их обладал примечательной приятностью» («Spazieren» [Walser 1914: 116]). Медлен-

ный темп пешей прогулки воспет в этом и других текстах Вальзера за возможность «так спокойно, и изобильно, и свободно» созерцать мир («weil der Fußgänger alles so ruhig und reich und frei betrachten kann») и за само «тихое удовольствие» («ein stilles Vergnügen») ходьбы [Walser 1914: 116.]. Аскетизм пешей прогулки приобрел поистине программный – неоромантический и экологический – характер в век автобанов и авиаперелетов. Так, своеобразную оппозицию *передвижение по шоссе (на автомобиле) vs. по лесу (пешком)* развивает рассказчик М. Кундеры в романе «Бессмертие» (1990), утверждая более высокий ценностный статус именно второго способа постижения себя в пространстве в соответствии с аксиологией *homo sentimental*.

Отметим, что именно альпийский регион, с его идиллической, но одновременно таящей в себе угрозу природой, становится одной из значимых литературных сцен для разыгрывания амбивалентной драматургии прогулки (об отдельных аспектах «Reiseliteratur» и «Heimatroman» данного региона в XIX в. см.: [Лошакова 2014]). Примечательна в этом плане знаменитая глава «Снег» в романе Т. Манна «Волшебная гора» (1924): идиллический горный ландшафт швейцарского курорта мгновенно превращается в сцену смерти, позволяя протагонисту Гансу Касторпу, отправившемуся на лыжную прогулку, в короткий промежуток бури погрузиться в пограничное состояние и осознать хрупкость границы между гармонией и катастрофой, аполлоновским и дионисийским. Катастрофичность альпийских ландшафтов – *естественное* равнодушие природы, помноженное на *исторический* опыт жестокости человека, – является одной из ключевых тем австрийской писательницы Э. Елинек, деконструирующей глянцево-туристический имидж этого региона (ср.: «Дикость», «Дети мертвых», «Гора мертвецов»). Критик и историк литературы П. фон Матт, исследовавший становление швейцарского мифа, указывал на «таящую в его идиллической сердцевине жажду разлома, бегства, саботажа»: «Созданная по модели античных буколик еще в XVIII в. (Альбрехт фон Галлер живописал ее в поэме “Альпы”), пастораль эта будет “взорвана”. Теленок, наступаемый почтовой каретой, несущейся во весь опор, вероятно, не спасется, а лошадей уже очень скоро сменит паровоз, который пройдет сквозь тоннель в некогда мирно дремавших горах» [Котелевская 2015: 185–186]. Так трактует П. фон Матт картину Роберта Коллера «Готардская почта» (1873), доказывая, «что бег времени является одной из болевых тем в швейцарской художественной традиции» и что в свете национального швейцарского мифа о «гармони-

ческом содружестве человека, Бога и природы <...> прогресс неминуемо мыслится как отдаление, утрата “рая”» [там же: 186].

Известно, кстати, что Р. Вальзер, которого можно причислить к наиболее последовательным энтузиастам швейцарского пасторального мифа, всячески открещивался от новинок технического прогресса. Карл Зеелиг вспоминает, например, что его почти невозможно было уговорить воспользоваться автомобилем, автобусом или трамваем, если прогулке грозили дождь или снег. Исключение Вальзер делал только для поезда, который мог быстро доставить в исходный пункт красивого природного маршрута, и совместные многочасовые прогулки, измерявшиеся подчас двумя десятками километров, совершались исключительно пешком («Зачем нам наши ноги?», – упрямо возразил как-то писатель на предложение Зеелига спастись от затяжного проливного дождя в почтовом автомобиле [Seelig 2015: 129]). Герой-рассказчик «Прогулки» Вальзера (1917) развертывает гневную тираду против автомобилистов, которые, в суетной погоне за скоростью, пренебрегают «всеми картинками», которые «являет наша прекрасная земля» [Walser 2015a: 20]. Другой реставратор романтической идиллии, Г. Гессе, вводит для своих странствующих персонажей запрет на часы и поезда («Паломничество в страну Востока», 1932). Упомянутая выше картина Р. Коллера «Готардская почта» вспоминается при чтении некоторых повествовательных миниатюр Вальзера, проникнутых подлинно анахронической лейтмотивикой пасторали. Таков, например, лирический рассказ «Нет у меня ничего» («Ich habe Nichts», 1917) [ibid.: 123–125].

Текст начинается с характерного для «прогулочных» сюжетов Вальзера зачина: герой выходит из дома в приветливом расположении духа (оно описано как «безмятежное, беззаботное» и «радостное»: «sorglos und heiter» [Walser 2015a: 123]). Движение по сельской местности, лугам окрашено настроением гармоничного слияния с миром людей и животных. Однако постепенно самохарактеристика героя как «нищесброда» (Habenichts) – состояния, дарующего подлинную свободу от хлопот и тягот, – дополняется негативными коннотациями. Безязыкие животные, безмолвно взывающие к нему за помощью, возможно, желающие подружиться или рассказать о своей жизни, природа, ожидающая от него какого-то дара [ibid.: 124–125], – все это повергает героя в состояние сострадания ко всему живому и пронизывает сознанием собственной беспомощности и ничтожества. Сострадание поработанному («gefangen und geknechtet») человеком зверю – тональность, меланхолически затемняющая исходную радость гармонического

рая: «“Du möchtest wohl etwas von mir haben, aber ich habe nichts. Gerne gäbe ich dir etwas, wenn ich etwas hätte, du gutes Tier”, sagte er voll Mitleid und ging weiter, aber im Weitergehen musste er immerfort an die Tiere denken, die etwas von ihm haben wollten, an die Ziege, an den Hund und an das Kälbchen, die das Freundschaft mit ihm hatten schliessen und ihm von ihrem stummen, geduldigen, dumpfen Dasein hatten erzählen wollen, die keine Sprache haben und nicht reden können, die zum Nutzen der Menschen gefangen und geknechtet in der Welt stehen <...> “Aber ich bin ja nichts, kann ja nichts, habe in Gottes Namen nichts, und in dieser weiten grossen Welt bin ich nur ein armer, schwacher, machtloser Mensch”, sprach er» [Walser 2015a: 125]. Охватившее героя отчаяние от беспомощности людей и зверей, населяющих «такой красивый мир», столь безутешно, что движение дальше невозможно – прогулка прерывается, он ложится в траву, чтобы «вдоволь наплакаться»: «und wie er die Welt so schön sah, und wie er so an Tiere dachte, und daran, dass er und alle seine Freunde, Menschen und Tiere, so hilflos seien, konnte er unmöglich weitergehen. Er legte sich, unweit von der Strasse, in die Wiese, um sich satt zu weinen, so ein dummer Bursche!» [ibid.].

В урбанизированных обществах модерна праздная медленная прогулка (Gehen) противостоит изматывающей повседневной беготне (Rennen), имеющей заданные цели и маршрут [Hummel 2007: 22–25], так же, как индивид – «темному пространству шевелящихся толп» [де Серто 2008: 25]. Кроме того, одинокая прогулка довольно рано обретает коннотацию саботажа, подрыва буржуазной культуры изнутри: действительно, она не имеет прагматической цели, встроена в «автономную» логику артистического субъекта модерна, для которого «труд» идентичен творчеству [Walser 2015a: 50], маркируемому, в свою очередь, в системе бюргерских ценностей как «праздность» (ср. сюжеты художнических прогулок и странствий у Руссо, Жан-Поля, Новалиса, Морица, Келлера, Тика, Штифтера, Рильке, Гессе и др.). И хотя отсутствие внешней цели и «свободное удовольствие» («ein freyes Vergnügen»), в выражении К. Г. Шелле [Neumeyer 1999: 11]), почти уравнивающие прогулку с искусством, по Канту, провозглашаются на рубеже XVIII–XIX вв. неизменными атрибутами нового досуга, тем не менее, доведенное до крайности пристрастие к бесцельным перемещениям мутирует в маргинальный для буржуа *modus vivendi*. По верному замечанию К. Мозера и Х. Шнайдера, «прогулка у Руссо перерастает в пожизненное странствие со стигматами социального аутсайдерства» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 10]. Несомненно, прямым наследником по

этой линии становится другой швейцарец – Роберт Вальзер. Отметим, что, будучи эстетизированной, именно эта маргинальная разновидность «сентиментального путешествия», самоуглубленного «хождения туда-сюда» [Bernhard 1988b] и послужит основой модернистской поэтологии прогулки, став источником всевозможных стернианских «отступлений» («digressions» [Frederick 2011: 15–26]) и «уклонений» («Verweigerungsstrategien» [Fuest 2008]) от *telos*'а фабулы.

Итак, более чем трехвековая культурная история буржуазной прогулки позволяет выделить несколько наиболее значимых для литературы типов:

1. **Променад**, пеший или в экипаже, как светский ритуал, отображающий *публичное*, театрализованное бытие буржуа или аристократа, вмещающий в себе одновременно нарциссический и визионерский опыт (ср.: «Невский проспект» Гоголя; променады «на водах» в лермонтовском «Герое нашего времени»; променады Эммы Бовари и даже последний променад – в коляске, а затем в вагоне – Анны Карениной, исполненный в смешанной технике реалистического описания и аффективного потока сознания). Демонстративность променада и его социальная регламентированность становятся особенно наглядными в случае нарушения комильфо: так, Р. М. Рильке пересказывает в дневнике историю о том, как группа его друзей-художников, включая девушку (скульптора Клару Вестхофф, его будущую жену), шокировала почтенную фланирующую публику своим видом – после длительной велосипедной прогулки, запыхавшиеся, со спутанными волосами и потные, они прибыли на курорт, в респектабельный отель, где их не сразу приняли (пока они, удалившись, не привели себя в порядок) («Worpsweder Tagebuch», 1900 [Rilke 1973: 209]).

2. **Одинокая прогулка** как сфера *приватного* бытия, форма созерцания природы и уединенного самосозерцания (*Alleinsein*)¹, нередко – тихого бунта, саботажа просветительского «дискурса общительности» («Geselligkeitsdiskurs») [Timofte 2014: 28] и бюргерской деловитости; *загородная* прогулка вплоть до XXI в. сохраняет черты идиллического топоса или каким-то образом его обыгрывает (ср.: «Стужа» Т. Бернхарда, «Учение горы Сен-Виктуар» П. Хандке, «Повесть о господине Зоммере» П. Зюскинда); *городская* одинокая прогулка наследует модели фланирования, выявленной некогда Ш. Бодлером и Э. По [Беньямин 2004; Benjamin 1991; Neumeyer 1999: 9–24; де Серто 2008], но в течение XX в. претерпевает сложные трансформации – вместе с трансформацией капиталистического общества, медиа, индивида (ср.: «Записки Мальте Лауридса Бригге»

Рильке, «Конец фланирования» П. Хандке, «Фазерланд» К. Крахта).

3. **Странствие** – форма одинокого или коллективного (с попутчиками) дальнего путешествия, наиболее тесно сохраняющего связи со средневековыми и романтическими духовными авантюрами; с конца XVIII в. странствие постепенно секуляризуется, каноническая религиозность смещается во внутреннюю область «я», где сакральностью наделяется готовность постичь свое «призвание» и следовать ему (ср.: романы Гете о Вильгельме Мейстере, а также фильмы В. Вендерса «Алиса в городах» (1974) и «Ложное движение» (1975) по сценариям П. Хандке, созданные как киноремейк гетеанского повествования о странствиях Вильгельма и его друзей; «Генрих фон Офтердинген» Новалиса; «Странствия Франца Штернбальда» Л. Тика). «Странствие» существенно отличается от *туристического* путешествия – спланированного, хронологически заданного перемещения по маршруту – непредсказуемостью результата, самоуглубленностью странника, ориентированного интровертно, в отличие от экстравертности «туриста» и спектаклярности его опыта; примечательной чертой странствия является разомкнутость времени и пространства, однако эти параметры легко достигаются художественным воображением, в котором даже получасовая прогулка по знакомой улице может превратиться в интенсивнейшее по глубине переживаний и постигнутому опыту «маленькое странствие» («*kleine Wanderung*» [Walser 2015b: 18–19]) с непредсказуемым результатом, что регулярно демонстрирует проза Р. М. Рильке, Р. Вальзера, П. Хандке.

Итак, «свободное время» и «свободное пространство» («*Frei-Zeit*», «*Frei-Raum*» [Neumeyer 1999: 11]) – константы, описывающие перемещения *праздного* субъекта модерна. Однако «променады» сохраняет социальную легитимность даже в инверсированной форме (филистерские добродетели здесь не только укрепляются и демонстрируются, но и подрываются: вспомним флюберовские романы, викторианские сюжеты), в то время как одинокая прогулка и странствие тяготеют к маргинальному, к периферии буржуазной нормы, генерируя романтическую и – впоследствии – модернистскую «идиллию праздности» (даже при условии, что она будет «взорвана»), если прибегнуть к метафорике образцового в этом плане текста из «*Людциды*» Ф. Шлегеля («*Idylle über den Müßiggang*», 1799). И хотя модальность благодушия и светлой радости, с которой воспевается и эстетизируется праздность в раннем романтизме (здесь уместно вспомнить также культовый для модернистов, например, для Вальзера и Хандке, текст Эйхендорфа «Из жизни

одного бездельника», 1826), постепенно уходит из модернистского дискурса прогулки, нередко сменяясь экзистенциальным ужасом, как у Р. М. Рильке в «Записках Мальте Лауридса Бригге» или в «Реке без берегов» Х. Х. Янна, свобода и отсутствие внеартистической цели по-прежнему определяют поэтику прогулки.

В модернистской поэтике познание внешнего (разглядывание, наблюдение, созерцание, культурное декодирование и прочие модусы чтения пространства) вытесняется направленной внутрь «тоской по себе» (лейтмотив Рильке: «*Sehnsucht nach mir*») или подчиняется задаче самонаблюдения. Стратегия прогулки-странствия метаморфирует в «уход» нового Блудного сына [Котелевская 2016], разрыв с «отцами». Остаться – значит отказаться от поисков самости, «лгать приблизительной жизнью, которую они ему уготовили» («*das ungefähr Leben nachlügen, das sie ihm zuschreiben*» [Rilke 1965: 170]). П. Хандке в повествовательной тетралогии, в которой исследуются различные формы и смыслы странствия / прогулки, пишет: «Возвращайся домой, на чужбину. Только там ты – *здесь*, только там возможна земная радость. Человеку, чтобы быть человеком, нужен простор и покинутость» («По деревням», 1981) [Хандке 2006: 353].

Смысловым горизонтом модернистского странствия-прогулки становится, таким образом, поиск себя. Все декларируемые персонажем (рассказчиком) цели играют квазифабульную роль, подчиняясь магистральной теме поисков самости (будь то автомобильный вояж к «убитым соборам» у Пруста [Пруст 2017], посещение сезанновской горы [Хандке 2006] или поиск джукбоксов в испанской провинции у Хандке [Handke 2001: 59–138]). Этот квест нередко ведет модернистского героя к катастрофе, «грааль» самости оказывается бесконечно ускользающим миражем, однако такой апофатический путь является единственно возможной формой аутентичного существования [Ulliot 2016].

Поиск себя как магистральная тема потребовал выработки аутентичного языка, именно поэтому модернистская поэтика прогулки разрабатывает комплекс лингвофилософских тем: язык и референция, «мой» язык, «границы моего языка» и «границы моего мира» (Витгенштейн), автономность vs. перформативность языка (ср. у Хандке: «Это действительно мой язык?») [Handke 1982: 51]). Принципиальная позиция модернистского героя состоит в том, что его поиски себя – это поиски *себя-как-писателя*, предполагающие тотальность писательской практики в качестве опыта бытия и познания. В модернистском романе и малой прозе наиболее последовательно, чем в другие художественные эпохи, претворяет-

ся формула *the walker as writer* (перефразируя М. Коверли [Coverley 2012]): *прогуливающийся* здесь – это или образ писателя на прогулке (*the writer as walker*), сознание которого занято, наравне с фиксацией наблюдаемого, мыслями о том, как об этом предстоит и должно написать, или метафорическое альтер эго автора. Так или иначе поэтика прогулки неотделима в итоге от поэтологии – рефлексии о языке и речи (письме), об архитектонике литературного произведения и его читателе.

Таким образом, отдельную разновидность прогулки, которая в бытовом плане может мимикрировать под любой из указанных трех типов, но сохраняет свою внебытовую, эстетическую телеологию, представляет **поэтологическая прогулка**. Данная форма оказывается довольно влиятельной в немецкоязычном модернизме, хотя ее разработка ведется на всем пространстве европейской культуры, начиная с Монтеня.

Корреляция работы интеллекта, воображения и прогулки, связь между состояниями «ходить» («gehen») и «думать» («denken»), в определении австрийского модерниста Томаса Бернхарда («Frost», 1963 [Bernhard 1973]; «Gehen», 1971 [Bernhard 2006]; «Korrektur», 1975 [Bernhard 1988b]), – мотив, постепенно вызревший в русле сентиментальной и романтической традиции. Важным поворотом в литературном развитии такой «перипатетической» практики стала «дематериализация» («Entkörperlichung») прогулки в литературе первой половины XIX в. Против этой тенденции выступит викторианский писатель Лесли Стивен. Он саркастически отзовется в своей «Похвале прогулке» («In Praise of Walking», 1902) о так называемой «Alpen-Literatur» («альпийской литературе»), в которой при описании возвышенных видов гуляющие подобны бесплотным духам («disembodied spirits») (цит. по: [Gelhaus, Moser, Schneider 2007: 15]). По его мнению, главные органы, служащие путнику, не глаза, а ноги и желудок. (Как здесь не вспомнить обильные, подробно описанные трапезы путешествующих персонажей из «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.)

Однако уже Руссо проводит в «Исповеди» аналогию между способом путешествовать и рассказывать о себе. «Как прогуливающийся постоянно отклоняется [schweift ab] от своего маршрута, чтобы созерцать красоты природы, так и автобиограф прерывает линейное повествование, чтобы забавляться очевидно мимолетным [Beiläufige], анекдотами и воспоминаниями» [ibid.: 16]. Существенной причиной развития «поэтологической» ветви прогулки явился исповедальный, самосозерцательный модус такого

письма, воспроизводящего уже не столько виды, зрительные впечатления пишущего, сколько «ландшафт сознания» (Bewusstseinslandschaft [Hummel 2007: 47]), предваряя прустинскую формулу. Программный в этом плане текст Руссо «Les Rêveries du promeneur solitaire» (1777–1778) (букв.: ‘мечтания одинокого фланера’, ‘мечтания прогуливающегося в одиночестве’, в принятом переводе – «Прогулки одинокого мечтателя») содержит прямые указания на свою метаповествовательную, поэтологическую природу. «Эти листки, – пишет Руссо в «Первой прогулке», – собственно, лишь беспорядочный дневник моих мечтаний [un journal de mes rêveries]. В них будет много говориться обо мне, потому что размышляющий отшельник [un solitaire qui réfléchit] неизбежно много занимается самим собой. Впрочем, мысли о посторонних предметах, проходящие мне в голову во время прогулки, точно так же займут здесь свое место. Я буду передавать все, что думал, – в том виде, как это у меня возникало, и с той связностью, с какою мысли вчерашнего дня сочетаются обычно с мыслями сегодняшнего» [Руссо 1961: 576; Rousseau]. И далее, в «Прогулке второй», он обещает читателю «...подробный отчет о своих одиноких прогулках [un registre fidelle de mes promenades solitaires] и тех мечтаниях, которыми они бывают наполнены, когда я даю голове своей полную свободу и позволяю своим мыслям течь беспрепятственно и непринужденно. Эти часы одиночества и размышленья – единственные за весь день, когда я бываю вполне самим собой [où je sais pleinement moi]» [там же: 578; Rousseau].

Герой Рильке, датский поэт Мальте Лауриде Бригге, тоже ведет своего рода «un registre fidelle de mes promenades solitaires», при этом акт письма как обретение контроля над собственной растерянностью перед чужим городом, перед непостижимой тьмой своего «я» и смыслов человеческой истории спасает его от экзистенциального ужаса [Rilke 1965]. Рассказчик у Вальзера, в свою очередь, неоднократно напоминает себе о том, что увиденное (на прогулке) должно быть записано – для себя, для читателя. Так, рассказывая о невероятной красоты выпавшем снеге («Die kleine Schneelandschaft», 1914), он сообщает, что непременно должен поделиться впечатлением «чего-то ангельского» («etwas Engelhaftes»): «Я радовался своей задаче, своей обязанности [das Amt], приятному долгу [die angenehme Pflicht], который мне предписан [die mir vorschrieb], тщательно и аккуратно сочинить заметку о снеге и о его очаровании» [Walser 1914: 139]. Завершается «заметка» («Notiz») приглашением выйти полюбоваться «славным снежным ландшафтом, который дружелюбно улыбается

тебе прекрасными устами»: «Выходи. Улыбнись и ты ему и поприветствуй его от моего имени» («Geh hin zu. Lächle auch du sie an und grüße sie von mir») [Walser 1914: 139]. Это жест приобщения читателя к письму, а писателя – к чтению уже написанного как к акту сотворения вполне зримого, осязаемого мира. Неразрывная связь прогулки и письма иногда выражена у Вальзера в приписывании творческих способностей самой созерцаемой природе. Ср. в миниатюре «Прогулка» («Spaziergang», 1914): «Казалось, сам ландшафт сочинял, выдумывал себя» («Die Gegend selber schien zu dichten, zu phantasieren» [ibid.: 212]). Шаг и акт сотворения текста корреспондируют друг с другом в воображении рассказчика из повествовательной миниатюры «Ранним осенним вечером» («Herbstnachmittag», 1914): «Каждый шаг погружал в новую красоту. Мне казалось, будто это я сам сочиняю ее, грежу ею, выдумываю ее» («Jeder Schritt leitete in andere Schönheit hinein. Mir war es, wie wenn ich dichtete, träumte, phantasierte» [ibid.: 248])².

П. Хандке, посвятивший прогулке и странствию большинство своих произведений, тематизирует письмо, создаваемое в перемещении по «ландшафтам». В частности, в дневнике «История карандаша» («Die Geschichte des Bleistifts», 1976–1980) эти в буквальном смысле *карандашные* заметки в блокноте представляют собой метатекст – маргиналии к сочинявшейся в конце 1970-х – начале 1980-х гг. тетралогии о странствии его различных альтер эго («Медленное возвращение домой», «Учение горы Сен-Виктуар», «Детская история», «По деревням»). «История карандаша» содержит размышления о том, как сочинять о ландшафте движущемуся по нему писателю. Освоение ландшафта сравнивается здесь с переписыванием себя и мира, с жестом одоления пространства, как листа бумаги пишущей рукой («Снова и снова желание пересечь весь мир движением письма [mit der Bewegung des Schreibens], как в кругосветном путешествии» [Handke 1982: 37]).

Сосредоточенность модернистского письма на механизмах и парадоксах собственного порождения, на артистическом сознании позволяет искать прецеденты прогулки-мышления, прогулки-речи-письма у тех писателей, которые тематизировали «я» пишущего и участвовали, так или иначе, в формировании модернистского романа-эссе, романа-дневника, «метапрозы» (metafiction) [Albes 1999; Hummel 2007]. Речь идет о Монтене, Паскале, Стерне, К. де Местре, Жан-Поле, Ф. Шлегеле. Характерными стилевыми свойствами поэтологической прогулки становятся ослабление миметического (изобразительного) импульса, тяга к беспредметности, абстрагированию, параболизации, подмена телесно-вещ-

ного, зримого внутренним ландшафтом, по которому почти бесплотно движутся мысль и речь.

Наиболее последовательно данная стратегия выражена в прозе Томаса Бернхарда, в которой прогуливающийся нередко ограничивает свой маршрут замкнутым пространством помещения (как, например, анонимный рассказчик в романе «Корректур» [Bernhard 1988b],двигающийся в размышлениях-воспоминаниях «туда-сюда» по мансарде умершего друга; исследователь Конрад, блуждающий в одиночестве по сюрреальному пространству реконструированного им известкового завода [Bernhard 1973]) (о замкнутом пространстве в немецкоязычном романе см. также: [Дронова 2016]). Бернхард подменяет физическое пространство «головным»³, по которому кружит, словно барочная инвенция вокруг нескольких тем, мысль героя. Именно так циркулирует прогуливающаяся мысль рассказчика в романе «Пропавший», где рассказчик размышляет на пороге гостиницы о дружбе, музыке, смерти, гениальности и проделывает не более дюжины шагов – от порога крохотной гостиницы до внутренних покоев номера [Bernhard 1988a] (ср. также романы «Gehen», «Beton»). Можно согласиться с наблюдением В. Г. Хуммеля: «Некоторые тексты о прогулках реализуются не на улицах, а за кулисами – в башне замка, как у Монтеня (он подчеркивал, что в своей библиотеке непременно должен ходить-размышлять), в тюрьме, как у Ксавье де Местра, прошедшего после дуэли несколько недель в заключении и создавшего «Описание моего путешествия вокруг комнаты» (1794). Однако такая уединенность – скорее исключение для жанра. Де Местр и Монтень раздвигают замкнутое пространство прогулок вокруг своей головы [erweitern ihre eingeschlossenen Spaziergänge um ihren Kopf], т. е. вокруг своих воспоминаний или прочитанного в своей библиотеке. Отсюда напрашивается также сравнение открытой формы эссе с прогулкой, ибо в нем, по видимости, на прогулку отправляется само мышление [geht scheinbar das Denken selbst spazieren]» [Hummel 2007: 34].

Мышление, отправившееся на прогулку – метафора, кажется, вполне верно описывающая модернистскую стратегию потока сознания или повествования, заметно тяготеющего к редукции предметности. Однако в англоязычной и французской литературе между двумя войнами текст прогулки, при всей его монтажности и сфокусированности на сознании персонажа, сохраняет телесно-вещественную конкретику: таковы тексты М. Пруста, В. Вулфа («Миссис Дэллоуэй»), Дж. Джойса (что такое весь «Улисс», как не разросшаяся картография прогулок?). У рассмотренных немецкоязычных авторов есть другое

общее свойство: они демонстрируют по преимуществу *Kopflandschaft*'ы (мыслимые, «головные» ландшафты), художественными аналогами которых являются не столько кино или импрессионистская живопись, сколько абстрактные искусства – авангардная графика, беспредметная живопись и, конечно, музыка, причем музыка минималистического типа, лишенная психологизма и «патоса», – барочная полифония, атональные композиции. Не исключено, что редукция визуального, перевод объемного в плоскостно-схематическое у немецких писателей становится способом преодоления травмы (личной, культурно-эпохальной). Для автобиографического рассказчика Бернхарда, например, Зальцбург, город его отрочества, – это город детей-самоубийц, город бомбежек, в котором он, идя на урок английского, наступает на детскую руку, оторванную недавно разорвавшимся снарядом («Причина: Прикосновение», 1975). Конкретика отвратительна, она сопряжена со стыдом и отворачиванием, изображенное оставляет столько лакун, что эффект ускользания рассказчика от некой «правды» (отношения между «правдой» и «ложью») языка являются важнейшими в автофикциональной пенталогии Бернхарда) оказывается сильнее эффекта репрезентации. «Чем ужаснее мир (а особенно сегодняшний), тем абстрактнее искусство», – пишет в своем дневнике в 1914 г. художник Пауль Клее. Речь идет о «неизобразимости» травмирующего («*Undarstellbarkeit*» [Scheffler 2014: 121]). И путь к абстрагированию, «уклонению» и «отступлению» от миметической пластики нам видится, в случае с Вальзером, Кафкой, Хандке, Бернхардом, не в последнюю очередь именно в стратегии схематизации, минимализации художественного языка. Среди близких немецким модернистам можно, без сомнения, назвать Семюэля Беккета и Поля Валери, трансформировавшего для своего господина Теста пространство комнаты в «головную» конструкцию, пространство чистой интеллектуальной возможности [Bevan 1980].

Итак, ландшафты, интериоризируясь, тяготеют к «головным», воображаемым, грезоподобным («*Ich war ein Inneres geworden und spazierte wie in einem Innern; alles Äußere wurde zum Traum*» [Walser 2015a: 57]). Р. Вальзер отказывается от предложенных издателем С. Фишером путешествий в Польшу и Турцию (по заданию редакции следовало написать путевой очерк). Его ответ: «Зачем писателю путешествовать, если у него есть фантазия?» [Seelig 2015: 88]. Пространство возможного, столь точно воссозданное Р. Музилом в «Человеке без свойств», оказывается лабораторией гипотез, спрятанных за «арабеском» абстракции.

Имя Пауля Клее возникает в связи с немецкоязычным литературным модернизмом неслучайно (так, Гессе включает его в мистический круг странствующих «в страну Востока»), в особенности в контексте Роберта Вальзера. Аналогия вальзеровского письма и абстрактного «детского» искусства Клее проводилась не раз, хотя и в разных аспектах [Walser 1982; Evans 1984; Scheffler 2014; Михайлова 2017]. «Паулем Клее в прозе» называет Вальзера Сьюзен Сонтаг в предисловии к американскому изданию, давая понять, однако, что это – лишь одна из репутаций в «целом арсенале блистательных сравнений» [Walser 1982: 4]. Действительно, в 1930–1940 гг. Вальзер уже сопоставлялся с Клее: Ж. Мозером в диссертации о современном романе (Лозанна, 1934), Хайнцем Политцером в «Масс унд Верт» (1938), Хансом Нефом в «Ди Вельтвохе» (1942) [Evans 1984: 27]. Коснемся здесь лишь стилевой аналогии. Т. С. Иванс, сравнивая лирику Вальзера («*Und ging*», «*Ein Landschaftchen*») и графику Клее, выявляет общий «пуристский линейный стиль», «радикальную бедность» языка, «предельную редукцию», «геометризацию» формы [ibid.: 28]. Обилие синтаксических параллелизмов, лексических повторов, мимикрия под детскую песенку делают язык этих стихотворений как бы опрошенным, «бедным». Оба, художник и писатель, предпринимают «бунт против натурализма», делая зримым «сущностное», а не видимое [ibid.: 35]. Графическая «Композиция на параллельных горизонтальных линиях» (*Komposition auf parallele Horizontallinien*, 1920) – «хороший пример трансформации естественных пространственно-глубинных отношений в плоскостные» [ibid.]. На этом рисунке «традиционная временная последовательность мутировала в игровой линейный ритм, в котором, кажется, нет ни начала, ни конца» [ibid.: 37], что, несомненно, сопоставимо с поэтикой «блуждающего» времени-пространства Вальзера.

Мы бы уточнили, что «бедность», если обратиться к прозе Вальзера, характеризует не столько его стилистику, сколько предметный мир: редуцирован не формальный язык (синтагматика), а изображаемое (семантика, означаемые). Воображение писателя как бы отказывается отправиться в действительную Польшу или Турцию (Биль, Берн, Берлин, Херизау), заполняя бумагу не топографически узнаваемыми приметам (ср.: Дублин Джойса, Лондон В. Вулф, Любек Т. Манна), а ландшафтами своих грез, или, по верному наблюдению Г. П. Михайловой, развертывая «линию» прогулки из «точки» в «путешествие к самому себе» [Михайлова 2017: 341]. «Как на полотнах Клее точка генерирует целый мир, который далее существует согласно прису-

щим ему законам, так и у Вальзера из точки является “Я” – субъективность, нечто, заполняемое из ничто, созерцаемого в движении» [Михайлова 2017: 343]. Весьма пронизательным видится соотнесение Г. П. Михайловой особого типа чувствительности, порождаемой у Вальзера фланированием, с левинасовской «этикой *caresse* (фр.)» – «этикой ласкающего прикосновения» («*Totalité et infini. Essai sur l'extériorité*», 1971). «Ласка не обращена ни к личности, ни к вещи (“*ni une personne, ni une chose*”), она ничего не захватывает и ничем не обладает, не претендует на изменение существующего (“*ne se prétend, à aucun de ces titres, un avatar de ce qui est*”), она представляет собой манеру держаться между тем, что есть, и тем, чего еще нет (“*la manière de se tenir ... entre l'être et le ne-pas-encore-être*”), проявляет интенцию не обнаружения, а поиска – движения к невидимому (“*marche à l'invisible*”))» [там же: 341]. Таким образом, описания в знаменитой «Прогулке» Вальзера («*Der Spaziergang*», 1917) созданы «ласканием, точечными, не обязывающими к проникновению в суть, прикосновениями к встреченным по пути феноменам бытия» [там же: 342].

Действительно, именно это бескорыстно-бережное («*uneigennützig und unegoistisch*») отношение к миру, «ко всякой живой малой вещице» («*jedes kleinste lebendige Ding*» [Walser 2015a: 51]), одинаково чуткое к возвышенному и низменному, уклоняющееся от готовых формул и удостоверяющих описаний, и составляет глубинную основу «беспредметного» стиля Вальзера. На вальзеровскую «беспредметность» («*Gegenstandslosigkeit*») пронизательно указывали М. Брод, В. Беньямин [Scheffler 2014: 108].

Итак, «отступления», воображаемые тирады, призванные «подорвать напряжение интриги» [Frederick 2011: 24], составляют общее свойство уклоняющегося от мимесиса модернистского нарратива. Этот тип прозы, как было показано, представлен в творчестве Р. М. Рильке, Р. Вальзера, Т. Бернхарда, П. Хандке и др. Прогулка, странствие становятся в их поэтике такой повествовательной формой, в которой ослаблен сюжетобразующий, но гипертрофирован рефлексивный компонент. В итоге выстраивается глубинная семантическая конструкция этих нарративов: ‘Gehen’ – ‘Suchen’ – ‘Sich-Selbst-Sehnsuchen’ (гулять – искать – искать-себя / томиться-по-себе). Рильке записывает во «Флорентийском дневнике» (1898): «Как часто я испытываю острую тоску по себе самому [so grosse Sehnsucht nach mir]. Я знаю: путь еще далек; но вершина моей мечты – тот день, когда к себе приду – я сам [da ich mich empfangen werde]» [Рильке 2011: 14; Rilke 1982: 28–29]. «Встречусь с собой» («*ich mich empfangen werde*»), – пишет Рильке, если

точнее. Эта встреча постоянно отдалается, ибо вышедший на прогулку модернист обречен – в оглушающей и очаровывающей пестроте наблюдаемого – на непрестанную «самоутрату» («*Sichverlieren*» [Walser 2015a: 52]), и единственным, что сохраняет устойчивость в этом пути к себе, становится напечатанный текст. «Пилигрим с ослепленными болью глазами... <...> / сосредоточившийся над печатной машинкой <...> / Незыблемо тут стоят мои слова / для тебя / без меня» («*Pilger mit den schmerzblindenden Augen / <...> / Gesammelt an der Schreibmaschine / <...> / Unerschüttlich stehen meine Worte da / für dich / ohne mich*») [Handke 2007: 170]. Так, за печатанием текста, с осознанием самоотчуждения, заканчивается «Конец фланирования» П. Хандке – стихотворный цикл, возвестивший «возвращение фланера».

Примечания

¹ Ср. стихотворение Вордсворта «*I wandered lonely as a cloud...*».

² Связь между ритмом, темпом, вообще физиологией и топографией ходьбы, с одной стороны, и движением стиха – с другой, хорошо осознавалась О. Мандельштамом и была подробно развернута им в эссе «Разговор о Данте»: см. анализ этого аспекта в статье Й. Термана «Красота отправляется в дорогу. Поэтика шага в “Разговоре о Данте” Осипа Мандельштама» [Gellhaus, Moser, Schneider 2007: 297–307]. Отношениям ритма, моторики прогулки и речи посвящена монография М. Шелла [Shell 2015]; «риторику ходьбы» в современном мегаполисе исследует М. де Серто [де Серто 2008].

³ «Головному ландшафту» (*Kopflandschaft*) соответствует герой, характеризующий Бернхардом из романа в роман как «головной человек», «интеллектуал» («*Kopfmensch*»), «рассудочный человек» («*Verstandesmensch*»), явно сопоставимый с абстрактно мыслящим и абстрактно смоделированным г-ном Тестом П. Валери (цикл произведений о Тесте был одной из любимых книг Бернхарда) (см. подробно: [Котелевская 2014]).

Список литературы

Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и фр. СПб.: Symposium, 2014. С. 47–234.

Дронова О. А. От гостиницы до съемной казармы: мотив дома в романах «новой деловитости» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3(35). С. 94–102.

Котелевская В. В. Блудный сын модернизма // Иностранная литература. 2016. № 6. С. 232–245.

Котелевская В. В. «Взорванная идиллия» швейцарского мифа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 1. С. 185–186. Рец. на кн.: Матт П. фон. Литературная память Швейцарии: Прошлое и настоящее / пер. с нем. Т. А. Баскаковой. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 464 с.

Котелевская В. В. «Господин Тест» Поля Валери в поэтике Томаса Бернхарда: вглубь одной цитаты // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 57–67.

Лошакова Г. А. Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. 427 с.

Михайлова Г. П. «Линия – это точка, вышедшая на прогулку». Пауль Клее, Роберт Вальзер и Михаил Шишкин: семантика фланирования // Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин / под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Краков: scriptum, 2017. С. 335–348.

Моретти Ф. Буржуа: между историей и литературой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 264 с.

Пруст М. Памяти убитых церквей. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

Рильке Р. М. Флорентийский дневник / пер. с нем. В. Бакусева. М.: Текст, 2011. 222 с.

Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 3. С. 571–663.

де Серто М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–38.

Хандке П. Учение горы Сен-Виктуар: романы / пер. с нем. М. Кореновой. СПб.: Азбука-Классика, 2006. 384 с.

Albes C. Der Spaziergang als Erzählmodell. Studien zu Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser und Thomas Bernhard. Tübingen, Basel: Francke, 1999. 332 S.

Benjamin W. Die Wiederkehr des Flaneurs // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. III. Kritiken und Rezensionen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1991. S. 194–199.

Bernhard Th. Das Kalkwerk. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1973. 211 S.

Bernhard Th. Der Untergeher. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1988a. 243 S.

Bernhard Th. Frost. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. 316 S.

Bernhard Th. Gehen // Bernhard Th. Werke. Bd. 12. Erzählungen II. Frankfurt am Main: Suhrkamp / Insel, 2006. S. 141–227.

Bernhard Th. Korrektur. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1988b. 318 S.

Bevan E. Jr. Dialogue with the Self: Paul Valéry and Monsieur Teste // Twentieth Century Literature. Vol. 26, No. 1 (Spring, 1980). P. 15–26.

Broder H. Wandering in Contemporary Literature: A Narrative Theory of Cognition (2016) // CUNY Academic Works. URL: http://academic-works.cuny.edu/gc_etds/751 (дата обращения: 14.06.2017).

Coverley M. The Art of Wandering: The Writer as Walker. Harpenden: Oldcastle Books. 2012. 256 p.

Evans Tamara S. “A Paul Klee in Prose”: Design, Space, and Time in the Work of Robert Walser // The German Quarterly. Vol. 57, No. 1 (Winter, 1984). P. 27–41.

Frederick S. Re-reading Digression: Towards a Theory of Plotless Narrativity // Atkin R. (ed.). Textual Wanderings. The Theory and Practice of Narrative Digression. Oxford: Legenda, 2011. P. 15–26.

Fuest L. Poetik des Nicht(s)tuns. Verweigerungsstrategien in der Literatur seit 1800. München: Wilhelm Fink, 2008. 305 S.

Gellhaus A., Moser Ch., Schneider Helmut J. (Hg.). Kopflandschaften – Landschaftsgänge. Kultergeschichte und Poetik des Spaziergangs. Köln; Weimar: Böhlau, 2007. 348 S.

Handke P. Die Geschichte des Bleistifts. Salzburg u. Wien: Residenzverlag, 1982. 250 S.

Handke P. Versuch über die Jukebox // Handke P. Die drei Versuche. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2001. 195 S.

Handke P. Das Ende des Flanierens // Handke P. Leben ohne Poesie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2007. S. 123–170.

Hummel V. G. Die narrative Performanz des Gehens. Peter Handkes “Mein Jahr in der Niemandsbucht” und “Der Bildverlust” als Spaziergängerstexte. Berlin: transcript, 2007. 220 S.

Neumeyer H. Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1999. 420 S.

Rilke R. M. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. München: Deutscher Taschenbuch, 1965. 3. Aufl. 174 S.

Rilke R. M. Das Florenzer Tagebuch. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. 122 S.

Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit. Frankfurt am Main: Insel, 1973. 369 S.

Rousseau J.-J. Les rêveries du promeneur solitaire. URL: <http://www.rousseauonline.ch/Text/les-reveries-du-promeneur-solitaire> (дата обращения: 11.05.2017).

Seelig C. Wanderungen mit Robert Walser. 14. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. 185 S.

Scheffler K. Robert Walser Bieler Prosa. Spuren in ein “Bleistiftgebiet” *avant la lettre*. Berlin: transcript, 2014. 514 S.

Shell M. Talking the Walk & Walking the Talk: A Rhetoric of Rhythm. N. Y.: Fordham University Press, 2015. 209 p.

Timofte A. Einsamkeit (ver)schreiben: Umwertungen im anthropologiechen Diskurs des 18. Jahrhunderts // *Recherches Germaniques*, 2014. 44. Strasbourg. P. 27–49.

Ullyot J. Introduction: Failure Esthetics and the Modernist Quest Narrative // Ullyot J. *The Medieval Presence in Modernist Literature: The Quest to Fail*. N. Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 1–17.

Walser R. *Kleine Dichtungen*. Leipzig: Kurt Wolff, 1914. 1. Aufl. 311 S.

Walser R. *Der Spaziergang*. Prosastücke und Kleine Prosa. Zürich; Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 2015a. 285 S.

Walser R. *Kleine Wanderung*. Geschichten. Stuttgart: Philipp Reclam, 2015b. 70 S.

Walser R. *Selected Stories*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1982. 194 p.

Wallace Anne D. *Walking, Literature, and English Culture: The Origins and Uses of Peripatetic in the Nineteenth Century*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 265 p.

References

Benjamin W. Sharl Bodler. Poet v epokhu zrelogo kapitalizma [Charles Baudelaire. A Lyric Poet in the Era of High Capitalism]. Benjamin W. *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature*. Perevod s nem. i fr. [Masks of Time. Essay on Culture and Literature, Transl. from German and French]. St. Petersburg, Symposium Publishing House, 2014, pp. 47–234. (In Russ.)

Dronova O. A. Ot gostinitsy do s'yomnoy kazarmy: motiv doma v romanakh «novoy delovitosti» [From the Hotel to the Rental Housing: The Motif of Home in Novels of the “New Objectivity”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2016, issue 3(35), pp. 94–102. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. Bludnyy syn modernizma [The Lost Son of Modernism]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2016, issue 6, pp. 232–245. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. «Vzorvannaya idilliya shveysarskogo mifa»: Retsenziya na kn.: Matt P. fon. Literaturnaya pamyat' Shveysarii: Proshloe i nastoyashchee. Per. s nem. T. A. Baskakovoy, 2013. [“Exploded Idyll of Swiss Myth”: Review of the Book “Literary Memory of Swiss: Past and Future” by Peter von Matt. Transl. from German by T. Baskakova, 2013]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences], 2015, issue 1, pp. 185–186. (In Russ.)

Kotelevskaya V. V. «Gospodin Test» Polya Valeri v poetike Tomasa Bernkharda: vglub' odnoy tsyaty [Monsieur Teste by Paul Valéry in the poet-

ics of Thomas Bernhard: some intertextual traces of a quote]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences], 2014, issue 4, pp. 57–67. (In Russ.)

Loshakova G. A. *Khudozhestvennaya proza biedermeiera v Avstrii: zhanry i poetika*. Dis. dokt. filol. nauk [Fiction of Austrian Biedermeier: Genres and Poetics. Dr. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2014. 427 p. (In Russ.)

Mikhailova G. P. «Liniya – eto tochka, vyshedshaya na progulku». Paul Klee, Robert Val'zer, Mikhail Shishkin: semantika flanirovaniya (rukopis' doklada) [Line is a Walking Point. Paul Klee, Robert Walser, Mikhail Shishkin: Semantics of the Flanerie (paper manuscript)]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Znakovye imena russkoy literatury. Mikhail Shishkin» 19–21.05.2016* (Yagellonskiy universitet; Institut vostochnoslavianskoy filologii, Pol'sha) [The 1st International Conference “Significant Names of Russian Literature. Mikhail Shishkin” 19–21 May 2016 (Jagiellonian University, Institute of Eastern Slavonic Studies, Poland)], pp. 335–348 (In Russ.)

Moretti F. *Burzhua: mezhdunarodnaya istoriya i literaturoy* [The Bourgeois. Between History and Literature]. Moscow, Gaidar Institute Press, 2014. 264 p. (In Russ.)

Proust M. *Pamyati ubitykh tserkvey* [In Memory of Killed Churches]. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 128 p. (In Russ.)

Rilke R. M. *Florentiyskiy dnevnik*. Per. s nem. V. Bakuseva [Florentine Diary. Transl. from German by V. Bakusev]. Moscow, Tekst Publ., 2011. 222 p. (In Russ.)

Rousseau J. J. *Progulki odinokogo mechtatelya* [Reveries of a Solitaire Walker]. Rousseau J. J. *Izbrannye sochineniya*. V 3 t., t. 3 [Selected Works. In 3 vols., vol. 3]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1961, pp. 571–663. (In Russ.)

Certeau M. de Po gorodu peshkom [Walking in the city]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Russian Sociological Review], 2008, issue 7(2), pp. 24–38. (In Russ.)

Handke P. *Ucheniye gory Sen-Viktuar: Romany*. Per. s nem. M. Korenevoy [The Lesson of Mont Sainte Victoire. Transl. from German by M. Koreneva]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2006. 384 p. (In Russ.)

Albes C. *Der Spaziergang als Erzählmodell. Studien zu Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser und Thomas Bernhard* [Walking as a Narrative Model. Studies of Jean-Jacques Rousseau, Adalbert Stifter, Robert Walser, and Thomas Bernhard]. Tübingen, Basel, Francke Publ., 1999. 332 p. (In Germ.)

- Benjamin W. Die Wiederkehr des Flaneurs [The Return of the Flaneur]. Benjamin W. *Gesammelte Schriften. Bd. III. Kritiken und Rezensionen* [Selected Works. Vol. 3. Critics and Reviews]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1991, pp. 194–199. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Das Kalkwerk* [The lime works]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1973. 211 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Der Untergeher* [The Loser]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1988. 243 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Frost* [Frost]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1973. 316 p. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Gehen* [Walking]. Bernhard Th. *Werke. Bd. 12. Erzählungen II* [Works. Vol. 12. Stories II]. Frankfurt am Main, Suhrkamp / Insel Publ., 2006, pp. 141–227. (In Germ.)
- Bernhard Th. *Korrektur* [Correction]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 1988. 318 p. (In Germ.)
- Broder H. *Wandering in Contemporary Literature: A Narrative Theory of Cognition* (2016). *CUNY Academic Works*. Available at: http://academic-works.cuny.edu/gc_etds/751 (accessed 14.06.2017). (In Eng.)
- Coverley M. *The Art of Wandering: The Writer as Walker*. Harpenden, Oldcastle Books, 2012. 256 p. (In Eng.)
- Ernest Bevan Jr. Dialogue with the Self: Paul Valéry and Monsieur Teste. *Twentieth Century Literature*, vol. 26, issue 1 (Spring, 1980), pp. 15–26. (In Eng.)
- Evans Tamara S. “A Paul Klee in Prose”: Design, Space, and Time in the Work of Robert Walser. *The German Quarterly*, vol. 57, issue 1 (Winter, 1984), pp. 27–41. (In Eng.)
- Frederick S. Re-reading Digression: Towards a Theory of Plotless Narrativity. Ed. by R. Atkin. *Textual Wanderings. The Theory and Practice of Narrative Digression*. Oxford, Legenda, 2011, pp. 15–26. (In Eng.)
- Fuest L. *Poetik des Nicht(s)tuns. Verweigerungsstrategien in der Literaturzeit 1800* [Poetics of Doing Nothing in Literature from 1800]. Munich, Wilhelm Fink Publ., 2008. 305 p. (In Germ.)
- Gellhaus A., Moser Ch., Schneider Helmut J. (Ed.). *Kopflandschaften – Landschaftsgänge. Kultergeschichte und Poetik des Spaziergangs* [Imagined Landscapes. Cultural History and Poetics of Walking]. Cologne, Weimar. Böhlau Publ., 2007. 348 p. (In Germ.)
- Handke P. *Die Geschichte des Bleistifts* [The History of the Pencil]. Salzburg & Wien, Residenzverlag Publ., 1982. 250 p. (In Germ.)
- Handke P. Versuch über die Jukebox [The jukebox and other essays on storytelling]. Handke P. *Die drei Versuche* [Three Essays]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2001. 195 p. (In Germ.)
- Handke P. Das Ende des Flanierens [The End of Flanerie]. Handke P. *Leben ohne Poesie* [Life without Poetry]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2007, pp. 123–170. (In Germ.)
- Hummel V. G. *Die narrative Performanz des Gehens. Peter Handkes “Mein Jahr in der Niemandsbucht” und “Der Bildverlust” als Spaziergängers texte* [Narrative Performance of Walking. Peter Handke’s “My Year in Nobody-Bay” and “Picture loss” as Walker-Texts]. Berlin, Transcript Publ., 2007. 220 p. (In Germ.)
- Neumeyer H. *Der Flaneur: Konzeptionen der Moderne* [The Flaneur. Concepts of Modernity]. Würzburg, Königshausen & Neumann Publ., 1999. 420 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge* [The Notebooks of Malte Laurids Brigge. 3^d edition]. München, Deutscher Taschenbuch Publ., 1965. 174 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Das Florenzer Tagebuch* [Florentine Diary]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 1982. 122 p. (In Germ.)
- Rilke R. M. *Tagebücher aus der Frühzeit* [Diaries of the Young Poet]. Frankfurt am Main, Insel Publ., 1973. 369 p. (In Germ.)
- Rousseau J.-J. *Les rêveries du promeneur solitaire* [Reveries of a Solitaire Walker]. Available at: <http://www.rousseauonline.ch/Text/les-reveries-du-promeneur-solitaire> (accessed 11.05.2017). (In French)
- Seelig C. *Wanderungen mit Robert Walser* [Wanderings with Robert Walser. 14th edition]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Publ., 2015. 185 p. (In Germ.)
- Scheffler K. *Robert Walser Bieler Prosa. Spuren in ein “Bleistiftgebiet” avant la lettre* [Robert Walser’s Biel Prose. Traces in a Pencil Territory avant la lettre]. Berlin, Transcript Publ., 2014. 514 p. (In Germ.)
- Shell M. *Talking the Walk & Walking the Talk: A Rhetoric of Rhythm*. New York, Fordham University Press, 2015. 209 p. (In Eng.)
- Timofte A. Einsamkeit (ver)schreiben: Umwertungen im anthropologischen Diskurs des 18. Jahrhunderts [Solitude (Re)write: Reevaluation in Anthropology Discourse of the 18th Century]. *Recherches Germaniques* [German Studies], 2014, issue 44, pp. 27–49. (In Germ.)
- Ullyot J. Introduction: Failure Esthetics and the Modernist Quest Narrative. Ullyot J. *The Medieval Presence in Modernist Literature: The Quest to Fail*. New York, Cambridge University Press, 2016, pp. 1–17. (In Eng.)
- Walser R. *Kleine Dichtungen* [Short Works. 1st edition]. Leipzig, Kurt Wolff Publ., 1914. 311 p. (In Germ.)

Walser R. *Der Spaziergang. Prosastücke und Kleine Prosa*. Zürich, Frankfurt am Main, Suhrkamp Taschenbuch Publ., 2015. 285 p. (In Germ.)

Walser R. *Kleine Wanderung. Geschichten* [Small Wandering Stories]. Stuttgart, Philipp Reclam Publ., 2015. 70 p. (In Germ.)

Walser R. *Selected Stories*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 1982. 194 p. (In Eng.)

Wallace Anne D. *Walking, Literature, and English Culture: The Origins and Uses of Peripatetic in the Nineteenth Century*. Oxford, Clarendon Press, 1993. 265 p. (In Eng.)

ON MODERNIST POETICS AND POETOLOGY OF WALKING: R. M. RILKE, R. WALSER, TH. BERNHARD, P. HANDKE

Vera V. Kotelevskaya

Associate Professor in the Department of Theory and History of World Literature

South Federal University, Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication

105/42, Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. vvkotelevskaya@sfnu.ru

SPIN-code: 4877-5532

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2650-7462>

ResearcherID: C-8059-2016

The paper examines walking as a subject of representation and reflection in German modernist literature. It analyzes fiction by Swiss and Austrian writers (R. M. Rilke, R. Walser, Th. Bernhard, P. Handke). This cultural practice is considered from several points of view: as a form of a modern person idling, a literary topic, a narrative model, a form of modernist poetics. The choice of subject matter is determined by cultural, historical-literary and style factors. The imagery of walking and wandering has had a long tradition in literature of the Alpine region (the so called "Alpen-Literatur"), being revised in the 20th century by modernist writers, who preserved but deconstructed its key topics. Poetics of the writers under research has some common features: a focus on search for the self, subordination of principles of composition to informal logics of the narrating I, lack of plotting, reduction of the objective world, preference for abstract vocabulary, inclusion of references to abstract art (avant-garde paintings and graphics, atonal music). This research aims to reveal genetic, typological and unique (national, author's) features of modernist poetics and poetics of walking. The following features of the modernist poetics of walking have been identified: the domination of aesthetic issues over the pragmatics of movement in space, prevalence of the imagined landscape over real, replacement of topography and close interconnection of walking and writing. In the modernist prose, thus, a walking person is a professional writer, and a ramble submits to intentions to compose a text about the walk.

Key words: modernism; Austrian literature; Swiss literature; poetics of walking; Rainer Maria Rilke; Robert Walser; Thomas Bernhard; Peter Handke.